

СЛОВО, МЕТАФОРА, СИМВОЛ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДАНИИЛА ХАРМСА

Творчество Даниила Хармса востребовано среди современных читателей. Его произведения с большим интересом читают как взрослые, так и дети. Ряд его произведений ставятся на сцене («Елизавета Бам»). Творчество Хармса последние 30 лет интенсивно изучается, имеются многочисленные исследования, посвященные его работам. Особый интерес представляют литературные приемы, посредством которых он стремится ярко и четко донести до читателя свои мысли. Данная статья посвящена рассмотрению этих приемов.

Ключевые слова: Хармс, символ, метафора, культура, литература, язык.

Daniel Harms work is in demand among modern readers. His works are read with great interest by both adults and children. Some of his works are staged («Elizabeth Bam»). Harms work has been intensively studied over the past 30 years; there are numerous studies on his work. Of particular interest are the literary devices through which he strives to clearly and clearly convey his thoughts to the reader. This article discusses these tricks.

Keywords: Harms, symbol, metaphor, culture, literature, language.

Творчеству Даниила Хармса посвящены многочисленные исследования [1; 3–4; 10]. В работах выдающего русского писателя отображаются важные темы культуры повседневности и

прочерчиваются границы того, что скрывается за её кулисами. Язык обретает в словотворчестве статус главного классификатора культуры [5–6; 9]. В талантливых руках мастера с помощью слова удаётся подметить то, что всякий раз остается незамеченным и неуловимым. Между тем, именно в этом незамеченном и неуловимом часто скрываются важные намёки на понимание того, что есть человек, как он живёт, мыслит и творит.

У Даниила Хармса есть произведения для взрослых и для детей. В стихах для детей часто встречается чудак, удивляющийся и восхищающийся всем, что находится вокруг. Например, астроном, посмотревший в телескоп на обычный сад, а не на звезды, удивлен, как ребенок. Персонажи радуются мелочам, их забавляют глупости. Мир, в котором они живут, напоминает мир детских фантазий. Они как будто безрассудны. Например, в стихотворении «Что это было» [7] складывается впечатление, что на героя нет ничего, кроме галош, шляпы и очков, несмотря на то, что действие происходит зимой. Можно сделать вывод о том, что герои чудачки в детских произведениях Хармса очень похожи на детей: они наивны, искренни, непосредственны, бескорыстны. И, как ни странно, именно эти качества делают их чудачками в мире взрослых людей, скучных, не умеющих радоваться жизни.

Чудачки в произведениях для взрослых, наоборот, как будто лишены человеческих чувств, таких как жалость, сострадание, любовь к людям и ко всему живому. Их жизнь не имеет смысла, их поступки не имеют цели: они покупают разные предметы и тут же теряют купленное, ложатся мимо кровати и т. д. Хармс видел ничтожность и пустоту механизированной жизни, окостеневшей в автоматизме мысли, чувства и повседневности; пустоту и бессмысленность существования, определяемого словами: «как все», «так принято». В его произведениях встречается то, что называют бессмыслицей, алогизмом. Но не произведения его бессмысленны и алогичны, а жизнь, которую он описывает в них. Формальная же бессмысленность и алогизм ситуаций в его вещах, так же, как и юмор, были средством обнажения жизни, выражения реальной бессмыслицы автоматизированного существования, некоторых реальных состояний, свойственных каждому человеку. Юмором он обнажал неподлинную, застывшую, уже мертвую жизнь: не жизнь, а только мертвую оболочку жизни, безличное существование.

В произведениях Хармса много внимания уделяется описанию внешнего облика персонажей. Трансформации с человеческим телом проявляются на уровне организации героев Хармса. Человек в его художественном мире наделен специфическими чертами внешности: голова конусообразной формы, в ней могут находиться инородные предметы. Хармс лишает своих героев слуха, памяти, голоса, как, например, в произведении «Искушение». Довольно часто встречается деление человеческого тела на части, потеря каких – то его частей. Например, в стихотворении «Где я потерял руку» [7]. Руку человека, учитывая какую важную роль она играет в повседневной жизни каждого, можно считать символом производственных, творческих способностей. В человеческой культуре издавна рука является символом власти. Потеря руки может символизировать потерю власти или статуса в обществе. Но в последствии рука находится: она, оказывается, не была потеряна, а всего лишь переместилась на спину. Скорее всего, речь в данном случае идет о временной утрате творческих способностей. Подобная ситуация происходит в стихотворении «Звонить, лететь» [8]. Тело человека распалось на части и улетает. В первую очередь? улетает лоб – значительная часть лица. Остальные лицевые части, такие, как нос, рот, почему-то улетают в последнюю очередь. Лицо – это отражение человеческой индивидуальности. Слово «личность» образовано от слова «лицо». Следовательно, потеря лица влечет за собой потерю индивидуальности. Ухо, нос, рот – основные органы чувств. Возможно, такая последовательность потери человеком важных органов не случайна. Лоб, как способность человека мыслить, грудь, как место расположения сердца, а значит способность чувствовать, живот, как символ жизни, физического существования человека. Рот символизирует способность говорить, высказывая свои мысли, свое мнение. Как видно, герой теряет все. Не теряет он только глаза, символизирующие душу. Также интересно произведение «Рыжий», в котором у человека не было ничего своего – ни рта, ни глаз, ни ушей. И рыжим его называли-то условно – потому что волос у него не было тоже. Здесь речь идет возможно о навешивании ярлыков на человека. Процесс умирания в произведениях Хармса приобретает тотальный характер. В произведении «Смерть старичка» из умирающего выпадают странные предметы: шарик из носа, палочка из глаза, квадратик из рта. Человек в художественной реальности Хармса подвержен разного рода

деформации, а трансформация физического тела персонажей обусловлена искажением духовной реальности.

Таким образом, в данной работе были рассмотрены приемы языкового эксперимента, используемые Хармсом для создания художественного образа. Среди основных поэтических приемов Хармса можно выделить словотворчество, в частности создание новых слов и использование повторов. Основным назначением неологизмов в творчестве Хармса является создание особой художественной и языковой образности. Повторы в стихах тоже выполняют особые функции. Они не только придают внешнюю выразительную стройность его произведениям, они усиливают комический эффект, подчеркивают смысловую значимость высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Александров А. А. О первых литературных опытах Даниила Хармса // Русская литература. 1992. № 3. С. 155–158.
- 2 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 444 с.
- 3 Богомолов Н. А. Из маргиналий к записным книжкам Хармса // Столетие Даниила Хармса / Под ред. А. А. Кобринского. СПб. : ИПЦ СПГУТД, 2005. С. 5–17.
- 4 Богомолов Н. А. Источник «Анекдотов из жизни Пушкина» Д. Хармса // Новое литературное обозрение. 1997. № 21. С. 250–251.
- 5 Ионесов В. И. Язык как культурная реальность: возможности трансформации // Аспирантский вестник Поволжья. 2009. № 1–2. С. 20–23.
- 6 Ионесов В. И. О словотворчестве как трансформации культуры // Восьмые Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество: материалы Всероссийской научно–практической конференции с международным участием. Под редакцией И. Ю. Акифьевой. 2018. С. 134–140.
- 7 Хармс Д. Полет в небеса. Л. : Советский писатель, 2018 .
- 8 Хармс Д. Цирк Шардам. СПб. : Кристалл, 2014
- 9 Рузер-Браунинг У. М., Ионесов В. И. Искусство как опыт преобразования культуры // В сборнике: Восьмые Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией И. Ю. Акифьевой. 2018. С. 184–189.
- 10 Ямпольский М. Б. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М. : Новое литературное обозрение, 1998. 384 с.